

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 93/94

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-3-44-52>

Сектантские общины Азово-Черноморья в условиях советской действительности 1920-х гг.: на примере секты «Новый Израиль»

А.А. Аганов , А.Н. Усенко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ Aganoff.a@yandex.ru

Аннотация

Введение. В результате установления советской власти с сектантских общин был снят ряд ограничений. Несмотря на то что большевики не разделяли учение сектантов, тем не менее до конца 1920-х гг. советская власть относилась к ним нейтрально, не подвергая их политическим репрессиям. Результатом этого стал рост количества сект и их сторонников. Большого размаха сектантское движение 1920-х гг. достигло на территории Сальского округа. Именно здесь лидер секты «Новый Израиль» В.С. Лубков создал коллективное хозяйство, пытаясь приспособиться к новому политическому строю.

Материалы и методы. Выявлены, проанализированы и использованы документы и материалы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области и содержащие сведения об устройстве и деятельности секты «Новый Израиль» на территории Сальского округа Северо-Кавказского края. Применяются научные методы: описательный, историко-генетический и историко-системный.

Результаты исследования. Вернувшись со своими сторонниками из Уругвая в СССР, Лубков основал на территории Сальского округа поселение в форме кооперативного товарищества. Несмотря на пропагандируемые сектой идеалы равенства и братства, внутри поселения был установлен режим личной власти Лубкова, который использовал её для своего личного обогащения, ведя разгульный образ жизни. Помимо этого, руководство секты нарушило принцип социальной справедливости, что привело к конфликтам между привилегированными и рядовыми членами движения.

Обсуждение и заключение. Факт создания В.С. Лубковым коллективного хозяйства свидетельствует о том, что сектанты пытались использовать коммунистическую риторику, чтобы приспособиться к существующим реалиям. Позже большевики осознали, что Лубков не разделяет коммунистическую идеологию. Община «Новый Израиль» представляла собой пример движения, в котором лидер и его приближенные злоупотребляли своими полномочиями и использовали свою власть для личного обогащения, что приводило к неравенству среди членов общины. Именно это обстоятельство привело к краху движения.

Ключевые слова: Азово-Черноморский регион, В.С. Лубков, «Новый Израиль», Северо-Кавказский край, сектантское движение, сектанты, секты

Для цитирования. Аганов А.А., Усенко А.Н. Сектантские общины Азово-Черноморья в условиях советской действительности 1920-х гг.: на примере секты «Новый Израиль». *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(3):44–52. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-3-44-52>

Russian Sectarian Communities in the Azov-Black Sea Region under Soviet Rule in the 1920s: The Case of the “New Israel” Sect

Andrey A. Aganov , Aleksandr N. Usenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 Aganoff.a@yandex.ru

Abstract

Introduction. With the establishment of Soviet power, a number of restrictions on sectarian communities were lifted. Although the Bolsheviks did not share the sectarians' beliefs, the Soviet authorities nevertheless maintained a neutral stance toward them until the late 1920s, refraining from subjecting them to political repression. This led to an increase in the number of sects and their followers. The sectarian movement of the 1920s reached its peak in the Salsky District. It was here that V.S. Lubkov, the leader of the “New Israel” sect, established a collective farm in an attempt to adapt to the new political system.

Materials and Methods. Documents and materials held at the Rostov Region Center for Documentation of Contemporary History, which contain information on the structure and activities of the “New Israel” sect in the Salsky District of the North Caucasus Region, have been identified, analyzed, and utilized. The following research methods were applied: descriptive, historical-genetic, and historical-systemic.

Results. Upon returning with his followers from Uruguay to the USSR, Lubkov founded a settlement in the form of a cooperative association in the Salsky District. Despite the ideals of equality and brotherhood promoted by the sect, a regime of Lubkov's personal authority was established within the settlement, and he used this power for his own personal enrichment while leading a dissolute lifestyle. In addition, the sect's leadership violated the principle of social justice, which led to conflicts between privileged and rank-and-file members of the movement.

Discussion and Conclusion. The fact that V.S. Lubkov established a collective farm indicates that the sect members attempted to use communist rhetoric to adapt to the existing realities. Later, the Bolsheviks realized that Lubkov did not share communist ideology. The “New Israel” community was an example of a movement in which the leader and his inner circle abused their authority and used their power for personal enrichment, leading to inequality among the community members. It was precisely this circumstance that led to the movement's collapse.

Keywords: Azov-Black Sea Region, V.S. Lubkov, “New Israel,” North Caucasus Territory, sectarian movement, sectarians, sects

For Citation. Aganov A.A., Usenko A.N. Russian Sectarian Communities in the Azov-Black Sea Region under Soviet Rule in the 1920s: The Case of the “New Israel” Sect. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(3):44–52. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-3-44-52>

Введение. Первое постоктябрьское десятилетие стало своеобразным «золотым веком» сектантских общин, действовавших в Советской России (СССР). Некоторое время представители правившего в стране большевистского режима относились к сектантам с известной долей сочувствия и доброжелательности, видя в них жертв самодержавия, подвергавшихся непрерывным гонениям в досоветскую эпоху. Хотя большевики не приветствовали религиозные учения сектантов, вплоть до конца 1920-х гг. правительство СССР практически не предпринимало в отношении сектантских общин и их лидеров масштабных и суровых репрессивных акций. Все это способствовало развитию сектантского движения в РСФСР (СССР), численному росту сект и их членов. Одним из регионов РСФСР, где сектантское движение достигло наибольшего размаха, являлось Азово-Черноморье, в первой половине 1920-х гг. представлявшее собой совокупность нескольких административно-территориальных единиц (Ставропольской губернии, Донской и Кубанской областей), а затем административно оформленное в границах Юго-Восточной области, вскоре переименованной в Северо-Кавказский край.

Получив в 1920-х гг. определенную свободу исповедания и пропаганды своих идей, сектанты в то же время находились под воздействием окружавшей их действительности и вольно или невольно корректировали свою жизнедеятельность с учетом политики правившей в СССР коммунистической партии и расширявшихся, укреплявшихся советских инноваций. В результате в период нэпа в СССР сформировалось уникальное историческое явление – сектантство, мимикрировавшее под воздействием советских реалий с целью обеспечить себе наиболее благоприятные условия для укрепления собственных позиций и дальнейшего развития.

Одним из методов такого приспособления сектантских общин к советской действительности стало использование ими внешних признаков коллективных хозяйств, дабы заслужить благосклонность властей СССР. Зачастую, впрочем, используемая сектами советская колхозная форма не соответствовала идейно-религиозному содержанию, что провоцировало не только конфликты внутри общин, но и карательные меры в их отношении со стороны партийно-советского руководства. Ярким примером подобной мимикрии является секта «Новый Израиль» во главе с В.С. Лубковым, существовавшая во второй половине 1920-х гг. в Сальском округе Северо-Кавказского края.

Деятельность «Нового Израиля» и сложные взаимоотношения сектантов с советскими властями неоднократно привлекали внимание исследователей. В советской литературе царившие в секте порядки подвергались жесткой критике, деятельность её руководящего ядра характеризовалась как реакционная и антисоветская; обосновывался тезис, согласно которому «Новый Израиль» прекратил существование из-за махинаций Лубкова и внутренних конфликтов [1, 2, 3]. В постсоветский период ученые, указывая на наличие у «Нового Израиля» серьезных внутренних проблем, называют одним из весьма существенных факторов краха секты давление партийно-советских властных структур [4, 5, 6, 7, 8]. Тем не менее вопрос о причинах развала данной нетрадиционной религиозной организации остается дискуссионным. Кроме того, нуждается в дополнительном изучении еще ряд вопросов, связанных с «Новым Израилем», в том числе такой, как применявшиеся «лубковцами» методы адаптации к советской действительности и их результативность. В рамках представленной публикации мы намерены рассмотреть означенные вопросы, опираясь на новые источники.

Объектом настоящего исследования выступает сектантское движение в Советской России (СССР) в период нэпа. Предмет исследования – возникновение, устройство и деятельность секты «Новый Израиль», существовавшей в Сальском округе Северо-Кавказского края во второй половине 1920-х гг. Цель работы заключается в выявлении практиковавшихся лидерами «Нового Израиля» методов приспособления к советской действительности и их эффективности, а также возникавших на почве восприятия этих практик (и в целом советской реальности) сложных взаимоотношений между сектантскими вождями и рядовыми членами указанного религиозного сообщества.

Материалы и методы. Источниковая база работы представлена разнообразными свидетельствами современников, опубликованными в хронологических рамках рассматриваемого в настоящей публикации периода, и, в особенности, архивными материалами. Нами проанализированы и введены в научный оборот хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) сводки и докладные записки о сектантском движении в крае, в том числе о положении в «Новом Израиле». Эти документы предназначались членам Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) и содержатся в фонде данного органа власти (ф. 7). Наряду с этим были использованы находящиеся в том же архивном хранилище материалы личного происхождения, содержащие информацию о внутренней организации данной сектантской общины, ее экономической деятельности, взаимоотношениях руководящего состава секты и рядовых членов.

Среди методов исследования, помимо описательного, отметим историко-генетический и историко-системный методы. Путем применения означенных методов удалось выявить особенности устройства и деятельности секты «Новый Израиль» в сравнении с иными нетрадиционными религиозными объединениями Азово-Черноморья, проследить процесс её развития после переезда из Уругвая в Сальский округ Северо-Кавказского края, выявить причины хозяйственных затруднений и внутренних конфликтов, неуклонно обострявшихся во второй половине 1920-х гг.

Результаты исследования. Религиозным учением, на основе которого возникла секта «Новый Израиль», считается, как правило, позднее хлыстовство. Подобно хлыстам, члены «Нового Израиля» признавали Библию, но трактовали её по-своему. В частности, под Христом они понимали «Божью премудрость» или некий особенный дух, обитающий среди людей и вселяющийся в наиболее достойного человека. Отсюда и проистекали характерные для данной секты представления о «живом боге». В конце XIX в. воронежский крестьянин Василий Семенович Лубков провозгласил себя таким «богом» и стал лидером «Нового Израиля».

Сектанты пропагандировали идеи равенства, братства и социальной справедливости, что привлекало к ним симпатии населения и способствовало быстрому численному росту «Нового Израиля». По имеющимся данным, в начале XX в. насчитывалось до 20 тыс. «новоизраильтян» («лубковцев»). Но преследования со стороны царского правительства вынудили Лубкова и около 2 тыс. его последователей в 1912 г. покинуть Россию и осесть в Уругвае, где «новоизраильтяне» основали фермерскую колонию Сан-Хавьер. Сектанты создали своеобразную коммуну, которая первоначально добилась заметных экономических успехов. Однако, как утверждали советские авторы, основывавшиеся на полученной от колонистов информации, Лубков мошенническим путем завладел коллективным имуществом и стал бесконтрольно им распоряжаться. Это вызвало возмущение остальных сектантов, и, в конце концов, дело дошло до уругвайского суда, который стал склоняться к аресту лидера «Нового Израиля». Тогда Лубков распределил среди ближайших своих помощников основную часть имущества на сумму 110 тыс. долларов (около 220 тыс. рублей по состоянию на конец 1920-х гг.) [3, с. 39] и разработал план бегства в СССР.

В 1925 г. Лубков выслал в Москву «ходоков» Т.Е. Жидкова, Е.И. Кравцова, И.В. Фадеева, которым удалось заключить с Народным комиссариатом земледелия РСФСР договор об аренде участка в 38 тыс. десятин земли под коннозаводство в Сальском округе Северо-Кавказского края. После этого Лубков «обманным путем» погрузил на пароход сельхозинвентарь и в мае 1925 г. с частью колонистов-приверженцев срочно покинул пределы Уругвая [3, с. 42].

Первая партия «новоизраильтян» в количестве 52 хозяйств (218 чел.) прибыла в Сальский округ весной 1926 г. К этой группе стали присоединяться последователи Лубкова из разных регионов СССР, а в 1927 г. из Америки прибыли новые переселенцы – 41 хозяйство (170 чел.). К осени 1928 г. в Сальском округе насчитывалось около 240 «новоизраильских хозяйств» (до 1 040 чел.) [9, л. 60].

Очевидно, Лубков хорошо понимал, в какую страну он переселяется, и стремился завоевать доверие советских властей демонстрацией близости своего религиозного учения к коммунистическим идеям. Советские авторы со злой иронией отмечали, что «перед отъездом Лубков срочно перекрашивается в розовый цвет, напяливая

на себя революционную личину» [3, с. 42]. В использовании отмеченной стратегии он был далеко не одинок. Согласно распространенным в советской литературе правомерным констатациям, в 1920-х гг. сектанты широко использовали «маску преданности соввласти и коммунизму»: «при каждом удобном случае» их лидеры заявляли, что «они-то и есть истинные коммунисты» [10, с. 45], развешивали в своих жилищах и общественных зданиях революционные лозунги, портреты Маркса и Ленина, и т. п.

Собственно, в целом ряде случаев сектантам не надо было притворяться, поскольку немало подобных организаций, как и «Новый Израиль», пропагандировали идеи равенства, братства, социальной справедливости и коллективного труда.

Поскольку в применявшихся сектантами стратегиях адаптации к советской реальности «громадное место» занимала «организация трудовых коммун» [там же], Лубков также провозгласил основанное им в Сальском округе поселение кооперативным товариществом «Ново-Израильская община» [9, л. 60]. В состав правления вошел сам Лубков в качестве председателя и его ближайшие помощники – Е.И. Кравцов (заместитель Лубкова), Т.Е. Жидков (тесть Лубкова), М.И. Забелин (бухгалтер), Е.Я. Софронов (казначей) [1, с. 186]. Одновременно Лубков являлся непререкаемым духовным лидером сектантской общины. Не следует забывать, что для «новоизраильтян» он выступал в образе не просто «вождя» или отца (его нередко именовали «папа» или даже «папа-мама»), а «богочеловека». Помимо самых близких сторонников, его окружал «довольно большой» штат разных «проповедников», «пророков» [1, с. 184] и «апостолов» (к числу последних, например, относился казначей Софронов) [11, л. 399].

Свое официальное существование товарищество начало [11, л. 400] 1 апреля 1926 г. Ведущим направлением его хозяйственной деятельности являлось животноводство, и в первую очередь, коневодство. Согласно договору, заключенному между «Новым Израилем» и Наркомземом РСФСР, члены товарищества брали на себя обязательство организовать «культурное ведение коневодческого хозяйства для поставки, на известных условиях, хороших лошадей как в армию, так и для сельского хозяйства» [9, л. 61]. Анализ источников позволяет утверждать, что для выполнения означенных задач сектанты обладали серьезным экономическим потенциалом. Только первая группа переселенцев из Уругвая привезла с собой имущества на сумму до 40 тыс. руб. [9, л. 60], а благодаря их единомышленникам, прибывшим позднее, у секты к апрелю 1927 г. оказалось «много машин» и «богатый» сельхозинвентарь на сумму свыше 100 тыс. руб. [6, с. 139]. В частности, у секты имелось 4 грузовика и 4 трактора [11, л. 403], что для коллективных хозяйств периода нэпа являлось весьма серьезным уровнем механизации. К сентябрю 1928 г. в собственности «новоизраильтян» находилось имущество на общую сумму около [9, л. 60] 152,8 тыс. руб.

Казалось, у общины были все возможности продемонстрировать достоинства коллективизма, основанного на религиозных идеях. Действительно, за два с половиной года сектанты создали «коллективные общинные мельницы, молотилки, сыроваренные заводы» [1, с. 184], наладили хорошее животноводческое хозяйство (более 200 племенных лошадей, 1 тыс. мериносовых овец), построили паровую мельницу, сдали в Северо-Кавказский край-молсоюз продукции на 100 тыс. руб. [6, с. 140]. Однако внушительные хозяйственные достижения товарищества соседствовали с целым рядом проблем, которые препятствовали укреплению «Нового Израиля» и в конечном итоге привели его к краху.

Говоря о причинах крушения «Нового Израиля», отдельные исследователи выводят на первый план экономические сложности и недоброжелательное отношение к сектантам со стороны партийно-советского руководства, не обманывавшегося заявлениями Лубкова об идейной близости его учения и положений марксизма-коммунизма. Так, Н.В. Антонова считает, что по «Новому Израилю» больно ударили сложные природно-климатические условия Сальского округа (из-за чего у товарищества первые годы выдались неурожайными), задержавшаяся из-за материальных трудностей реэмиграция из Уругвая очередных групп сектантов и развернувшееся во второй половине 1920-х гг. в СССР «наступление на секты» [6, с. 140].

Безусловно, перечисленные факторы оказали существенное негативное воздействие на деятельность сектантов. Вместе с тем вышеописанный подход, абсолютизирующий политико-экономические обстоятельства, не отражает всей сложности положения «Нового Израиля». Анализ имеющихся документов позволяет уверенно утверждать, что не менее, а то и более серьезными причинами ослабления секты, ухудшения ее взаимоотношений с властями и последующего краха стали злоупотребления самого «богочеловека» Лубкова и его «пророков», а также нараставший антагонизм между двумя категориями сектантов – прибывшими из Америки «уругвайцами» и местными «рускими».

В ЦДНИРО хранятся 6 писем, поступивших в 1927 г. в редакцию газеты «Советский пахарь» от анонимного члена «Нового Израиля». В письмах жестко критиковалась деятельность Лубкова и правления товарищества и освещались напряженные отношения между «уругвайцами» и «рускими». Данные источники дополняются результатами обследований, проводившихся в «Новом Израиле» представителями власти и журналистами. Сравнительный анализ этих документов и материалов свидетельствует о сходстве суждений и выводов анонимного автора писем и лиц, проверявших сложившееся в «Новом Израиле» положение, и позволяет установить изъяны внутреннего устройства секты.

Прежде всего в секте был нарушен принцип социальной справедливости, игравший важную роль в мировоззрении «новоизраильтян». Как уже отмечалось, формально «Новый Израиль» представлял собой «товарищество на паях», в котором были «все равны» [1, с. 186]. В действительности, по сообщениям советских журналистов,

равны были далеко не все. Полный пай составлял 510 руб. [1, с. 186]. Такая сумма оказалась по карману не всем сектантам и многие (по имеющимся данным, не менее 30 % от общего количества хозяйств [9, л. 62]) внесли лишь половину от нее. В то же время 15 % сектантов внесли в качестве паевых взносов более 1,3 тыс. руб., еще 5–6 % внесли более 5 тыс. руб., а пай самого Лубкова составил 10 тыс. руб. В зависимости от размеров пая производилось распределение продуктов среди членов товарищества. Члены «Нового Израиля», внесшие полный пай, получали муку, сахар, чай и прочие продукты, а тем, кто не сумел этого сделать, выдавалась только мука. При этом утверждалось, что сектанты-бедняки, потратив последние деньги на паевые взносы, «сидят на полуголовном пайке» [1, с. 186]. Кроме того, Лубков и его приближенные настаивали на том, что неполнопайные члены товарищества должны удовлетворяться лишь совещательным, а не решающим голосом на общих собраниях членов общины [9, л. 62].

Зримым проявлением установившегося в «Новом Израиле» имущественного неравенства сектантов являлись их жилища. Состоятельная верхушка секты расселилась «в просторных теплых домах», крытых железом, тогда как беднота, составлявшая «большой процент неполнопайных», ютилась «по нескольку семейств в одном маленьком доме-землянке», которые представляли собой «настоящие норы с единственной, виднеющейся на поверхности земли трубой» [1, с. 184].

Весьма напряженные отношения сложились между составлявшими «Новый Израиль» «уругвайцами» и «русскими». Первые свысока относились к русским, заявляя, что они целых 13 лет делили с Лубковым все трудности жизни в Уругвае [11, л. 399]. Ссылаясь на некоего члена Совета труда и обороны СССР, старые соратники Лубкова утверждали, что советское правительство надеется лишь на тех членов общины, которые приехали из Уругвая, а «русских» они называли людьми «корыстолюбивыми» и «негодными» [11, л. 406]. Сам Лубков и его ближайшее окружение третировали «русских» и выказывали свое благоволение «уругвайцам». Показательны заявления Жидкова о том, что обрабатываемая «Новым Израилем» земля в Сальском округе «дана на американцев» и что в правлении товарищества должны находиться «два американца, и один русский» [11, л. 398].

«Русская» часть членов «Нового Израиля», численно доминировавшая в товариществе, возмущалась «уругвайцами». Так, анонимный автор писем в редакцию «Советского пахаря» утверждал, что «американцы», выдвинутые Лубковым на ответственные посты в секте, были малокомпетентны, и приводил следующий пример. Когда товарищество приобрело в кредит трактор «Интернационал», Лубков поставил во главе трактористов своего племянника И.И. Лубкова и П. Бардакова (зятя Е.И. Кравцова), не разбиравшихся в технике. Во время пахотных работ они едва не сломали двигатель «Интернационала», ремонт которого обошелся бы, по мнению анонима, не менее чем в 1 тыс. руб. [11, л. 401].

В свою очередь «уругвайцы» всячески защищали руководство секты от нападок недовольных, заявляя последним, что все члены товарищества должны беспрекословно выполнять распоряжения лидера и даже сравнивая своего «богочеловека» с Лениным [11, л. 399]. Опираясь на «уругвайскую» помощь, Лубков стремился установить неограниченную бесконтрольную власть, превратив «Новый Израиль» из самоуправляющегося товарищества в авторитарную секту. В этом он добился немалых успехов, и не только вследствие поддержки «уругвайцев». Стоит признать, что Лубков и в самом деле являлся неординарной харизматичной личностью. Даже критично настроенные в отношении «папы» советские журналисты описывали его как человека лет 55–60, «с гордой осанкой, крупным, энергичным лицом» [1, с. 191]. В определенной мере следует учесть и тот факт, что «Новый Израиль» располагался «в глухой степи» и был удален на 55–56 км от ближайшей железнодорожной станции «Целина» [1, с. 183], где находились партийно-советские учреждения, работники которых, при случае, могли бы оказать помощь недовольным действиями Лубкова «новоизраильтянам».

В итоге лидеры секты стали «не подотчетны рядовым сектантам» [1, с. 187]. Они вершили дела в «Новом Израиле» бесконтрольно и не отчитывались перед рядовыми членами товарищества, мотивируя это тем, что «мы творцы, а вы твари» [9, л. 61]. По свидетельствам анонима, Лубков долгое время не проводил общих собраний членов товарищества. Первое такое собрание, на котором присутствовало около 50 % «новоизраильтян», состоялось лишь 5 июня 1927 г. Но и на этом собрании члены правления даже не зачитали договор, заключенный между сектой и Наркоматом земледелия РСФСР, не пожелав проинформировать рядовых сектантов об условиях этого соглашения [11, л. 400]. Попытки недовольных «русских» сектантов апеллировать к советскому законодательству при приближении Лубкова парировали, говоря, что товарищество является «Израилем», т. е. фактически отдельным государством [11, л. 399].

Отсутствие контроля за руководством «Нового Израиля» со стороны его рядовых членов закономерно порождало злоупотребления управленцев. Лубков и его ближайшее окружение полностью держали в своих руках финансовые дела в товариществе. Не спрашивая мнения членов товарищества, Лубков брал кредиты, продавал «на сторону» быков и овечью шерсть, развернул торговлю алкоголем в открытой им на станции «Целина» столовой и т. д. [11, л. 401].

Правление «Нового Израиля» перераспределяло средства в пользу «уругвайцев» (то есть самих себя) и ущемляло интересы «русских» членов секты. По утверждениям анонима, у членов товарищества даже отсутствовали членские книжки, они не получали квитанций и расписок от правления о «полученных деньгах» и не представляли, какие суммы составляли прибыль «Нового Израиля» [11, л. 402]. Правление не проявляло заботы о нуж-

дах рядовых «русских» сектантов. Характерным являлся случай, когда для приготовления обеда членам секты, косившим траву, правление выдало павших баранов, а для приготовления пищи использовался котел, в котором «ранее растворяли мышь»; закономерным итогом стало пищевое отравление некоторых работников. Ряд сектантов страдал от малярии (весьма распространенной на обширных пространствах Нижнего Дона и Кубани), но не получал должной медицинской помощи. В товариществе были фельдшеры, но правление не выдавало им денежных средств на покупку необходимых медикаментов [11, л. 403]. Ревизоры, проверявшие состояние дел в «Новом Израиле» в 1928 г., тоже обнаружили «весьма отчетливые проявления преступной деятельности по части эксплуатации переселившимися американцами-общинниками русских общинников...» [9, л. 61].

Вместо того чтобы использовать кредиты и заработанные товариществом средства для улучшения положения основной массы рядовых сектантов, «богочеловек» Лубков, его «апостолы» и «пророки» тратили их на личные нужды [9, л. 61]. Так, Лубков обзавелся автомобилем [1, с. 191] и использовал его не только для деловых поездок, но и увеселений. В источниках содержится целый ряд свидетельств о том, что Лубков со своими приближенными ведет «разгульную жизнь» [11, л. 398]. Глава «Нового Израиля», если верить свидетельствам его недоброжелателей, был весьма неравнодушен к женскому полу. Есть сообщения о насилии «богочеловека» над женщинами и о его частых браках и разводах.

Современники утверждали, что еще до выезда в Уругвай Лубков последовательно состоял в браках с четырьмя женщинами (он называл своих супругов «мамами»), с которыми также последовательно развелся. В Уругвае Лубков женился три раза; с третьей женой он вернулся в СССР, где развелся и с ней. После этого неутомимый «папа» начал подыскивать себе новую супругу, остановив свой выбор на девятнадцатилетней Раисе Новокрещеновой (племяннице своего приближенного Т.Е. Жидкова) и некоей Надежде, которая, как можно понять, была не старше первой из означенных кандидатур в «мамы». С избранницами он катался на автомобиле (совершая путешествия даже в Ростов-на-Дону), дарил им подарки. По какой-то причине Лубков разочаровался в Надежде и сделал предметом своего обожания Раису. Однако девушка собиралась замуж за молодого члена секты Ф. Крамаренко и несмотря на уговоры родственников, отвергла Лубкова. По-видимому, глава «Нового Израиля» тяжело переживал обидное поражение в любовном состязании. Он выглядел «расстроенным» и «не совсем здоровым» и демонстративно проигнорировал свадьбу Крамаренко и Новокрещеновой [11, л. 398–400].

Выраженное имущественное расслоение в товариществе и притеснения «русской» бедноты более состоятельными «уругвайцами» не могли вызвать одобрения со стороны партийно-советского руководства Сальского округа, да и всего Северо-Кавказского края. Но еще более сильным раздражителем для представителей советской власти являлось то, что громогласно декларируемая лидерами «Нового Израиля» приверженность идеалам коммунизма находилась в явном противоречии с их действиями.

Стремясь добиться преференций от властей, Лубков не скупился на заявления о том, что основанное им товарищество «строит социализм» [11, л. 406]. Журналистам, посетившим «Новый Израиль» в 1927 г., он рассказывал, что сектанты «хорошо организуют революционные праздники»: например, 1 Мая «прошло великолепно, с красными знаменами, с пением революционных песен» (хотя добавил, что не одобряет пение «Интернационала» [1, с. 191]). Брат «богочеловека» И.С. Лубков заверял советских чиновников: «Мы с коммунистами ни в чем не расходимся, мы вместе идем к одной цели: к братству, равенству, социализму» [1, с. 193].

Однако даже сторонние наблюдатели, не говоря уже о просоветски настроенных сектантах, подмечали, что риторика Лубкова являлась всего лишь маскировкой и никак не вредила проповедуемому им вероучению. Попытки же некоторых «новоизраильтян» создать в секте какие-либо советские общественные организации («ячейки МОПР, Ленинского уголка, ячейки «Безбожник», Юных Пионеров и т. д.» [9, л. 62]) расценивались «папой» и его приближенными как вероотступничество и встречали решительное сопротивление.

Ярким примером является противодействие лидеров «Нового Израиля» инициативам сектантской молодежи по созданию комсомольской организации. Согласно анонимным свидетельствам, молодые члены общины на свои средства создали культурно-просветительский кружок и поставили два спектакля: «На заре» и «Электричество засветило». После этого молодежь намеревалась создать комсомольскую ячейку, но члены правления выступили против, расценивая подобные намерения как «безбожие» [11, л. 406]. Когда же небольшая ячейка ВЛКСМ в «Новом Израиле» все же была создана, в качестве противовеса ей лидеры сектантов создали собственную молодежную группу во главе с членом правления Забелиным. «Забелинцы» стремились установить над молодыми сектантами свой контроль и выступали против комсомольцев. При этом, однако, Забелин опасался вызвать гнев партийно-советских структур и действовал весьма изнеурядици, критикуя не комсомол как таковой, а только комсомольцев-сектантов. Так, на одном из собраний в 1927 г. Забелин предложил принять следующую резолюцию: «Приветствовать экономическую и культурную работу комсомола, но только не нашу ячейку, и не приветствовать безбожную работу комсомола» [1, с. 193].

Надо сказать, что несмотря на все внутренние неурядицы, авторитет Лубкова оставался достаточно высоким, причем не только среди «уругвайцев», но и определенной части «русских» «новоизраильтян». Показательны слова старой сектантки, которая ютилась в землянке и едва сводила концы с концами, но с пиететом отзывалась о вожде общины: «Он, родной, не видит, как мы живем, если бы увидел – помог» [1, с. 187].

Тем не менее ситуация внутри «Нового Израиля» неуклонно обострялась. Находившиеся в тяжелых материально-бытовых условиях сектанты, не видевшие помощи со стороны правления, начинали все более критически относиться к «богочеловеку» Лубкову и его окружению. На первых порах недовольные стремились покинуть секту, тем более что Лубков сам указывал им на дверь [11, л. 399]. По имеющимся данным, только за две недели октября 1927 г. из общины выехали 18 хозяйств, а еще 40 хозяйств выражали намерение переселиться в Донской округ [1, с. 187].

Острый конфликт вспыхнул в общине летом 1927 г. в связи с тем, что Лубков оттягивал перевыборы правления. Возмущенные этим «русские» сектанты, ссылаясь на советское законодательство, потребовали от правления отчета, а затем и перевыборов. Приближенные Лубкова попытались подавить бунт: заявляя, что правление товарищества и есть «советская власть», они конфисковали телят у наиболее активных критиков. Одновременно, стараясь не обострять отношения с основной массой сектантов, бухгалтер товарищества М.И. Забелин обещал предоставить отчет [11, л. 401] до 1 октября 1927 г.

Обещания, впрочем, не успокоили недовольных, и они обратились за помощью к партийно-советским структурам. Реакция властей выразилась в том, что Сальский окружной комитет ВКП(б) направил в товарищество ревизионную комиссию, на месте изучившую положение дел. Комиссия подтвердила, что фактическое руководство товариществом принадлежит Лубкову и приближенным к нему «апостолам» Кравцову и Забелину, и что правление «ни разу не отчиталось перед своими избирателями-пайщиками» [9, л. 61]. Были выявлены факты расходования крупных денежных сумм (более 13,3 тыс. руб.) при отсутствии «оправдательных документов» [9, л. 63]. Одновременно выяснилось, что немалая часть имущества «Нового Израиля», – трактор, быки, овцы, посевной материал – взяты в кредит, и долги товарищества достигают 40 тыс. руб. Значительная часть паевых взносов исчезла: по слухам, эти деньги хранились в одном из банков Ростова-на-Дону и тем самым оказались в полном распоряжении Лубкова и его свиты [11, л. 404].

Наконец, «Новым Израилем» заинтересовалось и краевое руководство. В декабре 1927 г. секретариат Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) заслушал результаты обследования «Ново-Израильской общины Сальского округа». В документе, представленном руководящим лицам Северо-Кавказского края, содержались весьма жесткие формулировки о том, что община находится «под управлением темных личностей (Христа с пророками), сосредоточивших в своих руках управление товариществом». Эти «темные личности», прикрываясь фразами «О коммуне», «О коллективе», на деле противились «всякому влиянию партии и комсомола». Итоговый вывод звучал убийственно для Лубкова и его приближенных: «В своем существе это товарищество является антикоммунистической организацией» [12, л. 12].

Несмотря на суровые выводы, секретариат Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) ограничился в основном агитационно-пропагандистскими мерами воздействия на «Новый Израиль». Было решено направить в общину «комсомольскую школу-передвижку» и кинопередвижку, «просить» Сальский окружком ВКП(б) «выделить специального платного работника по антирелигиозной пропаганде», наладить пропагандистскую работу среди женщин «Нового Израиля» и т. п.

Пожалуй, наиболее суровой мерой из предусмотренных Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) являлось его распоряжение милиции и ГПУ «проследить за полной ликвидацией инициативной группы религиозной молодежи данной общины», которая препятствовала организации и деятельности комсомольской ячейки [12, л. 25].

Однако одновременно к делу были подключены прокуратура и суд. По итогам ревизии был арестован и предан суду один из приближенных к Лубкову членов правления «Ново Израиля» – Забелин. В то же время «вождь Лубков и его пророки были отодвинуты от командных высот»: состав правления обновился, его возглавил член компартии Самсонов. Представители краевого руководства с удовлетворением констатировали, что в результате принятых мер в товариществе «начала развиваться общественно-политическая жизнь, возросло влияние бедняцко-среднезажиточного элемента, и комсомол получил право на легальное существование» [9, л. 63].

Впрочем, уже в 1928 г. Лубков взял реванш, чему способствовал ряд обстоятельств. Прежде всего «папа», хотя и утратил пост председателя правления «Нового Израиля», не был выведен из состава данного органа. Кроме того, Лубков не лишился поддержки «уругвайцев», которые обоснованно связывали с ним свое материальное благополучие и стремились вернуть его к власти. Новый же председатель товарищества Самсонов оказался не на высоте положения и не смог обеспечить грамотное руководство общественным хозяйством. В итоге «сектантский актив» добился смещения Самсонова и возвращения на должность председателя правления Лубкова [там же]. Некоторое время Лубков оставался главой «новоизраильтян»: так, в 1931 г. современники констатировали, что он «опять ведет антисоветскую работу» [3, с. 42].

Ситуация изменилась в 1930-х гг., в условиях резкого ужесточения внутриполитического режима и развертывания широкомасштабных репрессивных кампаний в СССР. Документы не позволяют в деталях установить, как сложилась судьба Лубкова и его последователей во время «великого перелома». Но, зная о том, какие наказания обрушились в 1930-х гг. на оппозиционно настроенных в отношении большевистского режима лиц, вполне вероятно, что глава «Нового Израиля» и многие другие сектанты стали жертвами репрессий.

Обсуждение и заключение. Создание лидером секты «Новый Израиль» В.С. Лубковым коллективное хозяйство на территории Сальского округа Северо-Кавказского края в 1920-х гг., представляет собой яркий пример

попыток сектантов использовать коммунистическую риторику, дабы с успехом приспособиться к условиям советской действительности. При внешнем сходстве пропагандируемых сектантами и большевистскими идеологами идей свободы, равенства, братства, те и другие по-разному представляли себе пути и способы реализации этих идей. Если для сектантов воплощение данных лозунгов мыслилось как торжество их религиозного учения, то советская власть ставила во главу угла классовые принципы и стремилась к построению социалистического общества. Кроме того, добрососедским отношениям между сектантами и большевиками никак не способствовало то, что одним из краеугольных камней политического учения последних являлся атеизм.

Нельзя не отметить и тот факт, что многие секты представляли собой авторитарные общины, в которых декларация о равенстве и братстве вступали в диссонанс с жесткой иерархией, выстраиваемой авторитарным лидером. «Новый Израиль» представлял собой именно такую секту, насколько можно судить об этом на основании многочисленных источников. Анализ содержания массива разнообразных документов и материалов не позволяет согласиться с ангажированными утверждениями некоторых современных исследователей о том, что Лубкову «удалось создать общину, фактически ориентированную не только и даже не столько на духовное совершенствование человека, сколько на постепенное, через труд, улучшение качества жизни общинников», и что крах «Нового Израиля» стал результатом «непоследовательности» [6, с. 142] представителей советской власти. Документы свидетельствуют, что лидер «новоизраильян» и его приближенные использовали свою монополию на власть для личного обогащения, что в секте присутствовало выраженное материальное неравенство и, самое главное, уверения «богочеловека» Лубкова в его преданности идеалам коммунизма не соответствовали действительности. В этих условиях было бы совершенно неправомерно ожидать от партийно-советского руководства какого-либо иного, кроме негативного, отношения к «Новому Израилю» и лично к Лубкову. Крах секты и карьеры Лубкова в СССР был предопределен не только расхождением между учением сектантов и большевистской идеологией, но и злоупотреблениями Лубкова и его сторонников.

Список литературы / References

1. Голосовский С., Круль Г. *На Маныче «священном»*. Сектантское движение среди молодежи. Критика религиозного сектантства (Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х – начале 30-х годов). Под общ. ред. А.И. Клибанова. Москва: Мысль; 1974. 182–197.
2. Golosovsky S., Krul G. "On 'Sacred' Manych". *A Sectarian Movement Among Youth. Critique of Religious Sectarianism (An Examination of Religious Sectarianism in the 1920s and Early 1930s)*. Moscow: Mysl; 1974. pp.182–197. (In Russ.)
3. Путинцев Ф.М. *Кабальное братство сектантов*. Москва; Ленинград: Московский рабочий; 1931. 200 с.
4. Putintsev F.M. *The Oppressive Brotherhood of Sectarians*. Moscow; Leningrad: Moskovsky Rabochy; 1931. 200 p. (In Russ.)
5. Морозов И. *Сектантские колхозы*. Москва; Ленинград: Московский рабочий; 1931. 55 с.
6. Morozov I. *Sectarian collective farms*. Moscow; Leningrad: Moskovsky rabochy; 1931. 55 p. (In Russ.)
7. Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г. *Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов)*. Санкт-Петербург: СПбГУ; 2003. 303 с.
8. Krapivin M.Y., Leikin A.Y., Dalgatov A.G. *The Fate of Christian Sects in Soviet Russia (1917–late 1930s)*. Saint Petersburg: SPbGU Publishing House; 2003. 303 p. (In Russ.)
9. Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-е гг. *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2009;3:14–31.
10. Danilova E.N., Antonova N.V. Labor immigration and re-emigration of spiritual Christians to Soviet Russia in the 1920s. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2009;3:14–31. (In Russ.)
11. Антонова Н.В. Из истории секты «Новый Израиль» (первая треть XX в.). *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2011;4:132–142.
12. Antonova N.V. From the history of sect "New Israel" (first third of the 20th century). *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2011;4:132–142. (In Russ.)
13. Петров С.В. Новый Израиль и Красный Октябрь: движение русского религиозного разномыслия на переломе эпох. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019;1–2:371–395. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-371-395>
14. Petrov S.V. New Israel and Red October: a movement of Russian religious dissent at the turn of the epochs. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2019;1–2:371–395. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-371-395>
15. Егоров С.А. Взаимоотношения большевистской власти и религиозных сект на начальном этапе построения советской государственности. *Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований*. 2022;15:3–12. https://doi.org/10.52270/26585561_2022_15_17_3
16. Egorov S.A. The relationship between the Bolshevik government and religious sects at the initial stage of building soviet statehood. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2022;17:3–12. (In Russ.)
17. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 692.
18. Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (CDNIRO). F. 7. Op. 1. D. 692. (In Russ.)
19. Клибанов А.И. *Классовое лицо современного сектантства*. Ленинград: Прибой; 1928. 102 с.
20. Klibanov A.I. *The Class Face of Modern Sectarianism*. Leningrad: Priboy; 1928. 102 p. (In Russ.)

11. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595.

CDNIRO. F. 7. Op. 1. D. 595. (In Russ.)

12. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 563.

CDNIRO. F. 7. Op. 1. D. 563. (In Russ.)

Об авторах:

Аганов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Института креативных индустрий, Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), aganoff.a@yandex.ru

Усенко Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культурология», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), allexsandr@bk.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Aganov Andrey Anatolyevich, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Institute of Creative Industries, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), aganoff.a@yandex.ru

Usenko Aleksandr Nikolaevich, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Institute of Creative Industries, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), allexsandr@bk.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 25.04.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 12.05.2026

Принята к публикации / Accepted 14.05.2026